

Только в «Газете» — отрывок из нового романа Юрия Мамлеева

«Следующая остановка: Преисподняя»

В феврале в серии «Красная книга русской прозы», запущенной издательством «Эксмо», выйдет сборник произведений Юрия Мамлеева — автора, чье творчество занимает совершенно особое место в современной литературе. Его тексты уже давно стали классикой и обрели законное место в одном ряду с наследием Гоголя и Булгакова и продолжают оставаться культовыми. С именем Мамлеева в России связана целая культурная традиция, демонстрирующая непреходящую актуальность религиозно-мистического поиска и укрепляющая связь между искусством и философией. Помимо уже известных вещей, таких как легендарный роман «Шатуны», в книгу войдут недавно написанные и еще нигде не публиковавшиеся рассказы, а также новый роман писателя, который называется «Другой». Отрывок из него с любезного разрешения автора публикуется сегодня в «Газете».

Леня Одинцов, молодой, чуть юркий человек лет двадцати семи, стоял в коридоре поезда Москва — Улан-Батор, который следовал через Сибирь в Монголию. Шел двадцать первый век. Леня направлялся из Москвы в Новосибирск к дальним родственникам. Пассажиры здесь были как из западных стран, так и российские.

Леня, ни о чем не думая, почему-то слегка пританцовывал на месте, глядя в окно. Другие пассажиры в коридоре поезда вели себя смиренно, но как-то странно. В чем состояла эта странность, Леня Одинцов и не пытался понять. Понимание вообще было его слабым местом. Леня всегда считал, что мир понять невозможно. К нему назойливо подошел человечек, постоянно спрашивающий у окружающих:

— How are you?

Леня почувствовал, что, если ему зададут этот безразлично-бессмысленный вопрос о том, как он себя чувствует, он сойдет с ума — пусть даже на время.

В коридоре то появлялись, то исчезали какие-то люди, озабоченные и, как показалось Лене, очень разные, не сводимые к единому человеческому знаменателю. «Что за чепуха», — бормотал Одинцов, оглядывая их.

Поразила его и малютка, девочка лет семи, с совершенно призрачным, до недоумения, лицом. Она прыгала около ног Лени и тихонько повторяла:

— Лучше утопиться, чем ехать в таком поезде.

Леня пожимал плечами: такая маленькая, юркая, как змея, а уже сумасшедшая.

Довольно увесистая бабенка лет сорока подошла и вдруг потрогала его, точно проверяла, из чего он состоит.

— Ишь, живой, — хихикнула она после такой проверки.

Леня тупо молчал, словно вылез из того света.

В дальнем купе истерично залаяла собачка, но ее лай быстро оборвался в пустоту.

Поезд тем не менее набирал скорость.

«Куда он так ненормально несется?» — безучастно подумал Леня. Где-то он перестал понимать не только мир, но и себя самого.

Внезапно в вагоне, видимо, по служебному микрофону, зазвучал с очень убедительными интонациями голос:

— Дорогие леди, джентльмены, товарищи и господа! Рады сообщить вам, что наш поезд изменил направление. Следующая остановка: Преисподняя.

И сразу же это объявление прозвучало на английском языке. В ответ воцарилась жутковатая тишина. В полном оцепенении прошло минут пять, а может,

и больше, словно время изменилось. Люди, находившиеся в коридоре недалеко от Лени, не пошевелились. Из купе напротив выглянула девочка с толстым, пороссячим личиком и, взвизгнув, спросила:

— А что, разве есть такая станция?

Ей никто не ответил. Наконец люди закопошились, но никто не кричал благим матом, не хохотал, как будто все шло как надо.

Леня мучительно соображал. «Сходит за шутку, — подумал он, — но поезд несется с какой-то сумасшедшей скоростью. Да и пейзаж за окном меняется, я в жизни не видел такого... Пейзаж-то ведь не тот. Ого-го!»

Кто-то постучал в дверь проводницы, но никто не открывал. Дверь была наглухо заперта, и как-то надежно, будто навсегда.

Мимо Лени прошли двое мужчин, и он отметил, что и пассажиры стали чуток меняться, причем в дурную сторону. Не то что выражение их лиц стало диким, напротив, оно оставалось деловым, но в каком-то неприятном смысле.

Вдруг из купе напротив выползла пожилая дама с огромным дорогим чемоданом и обратилась к Лене:

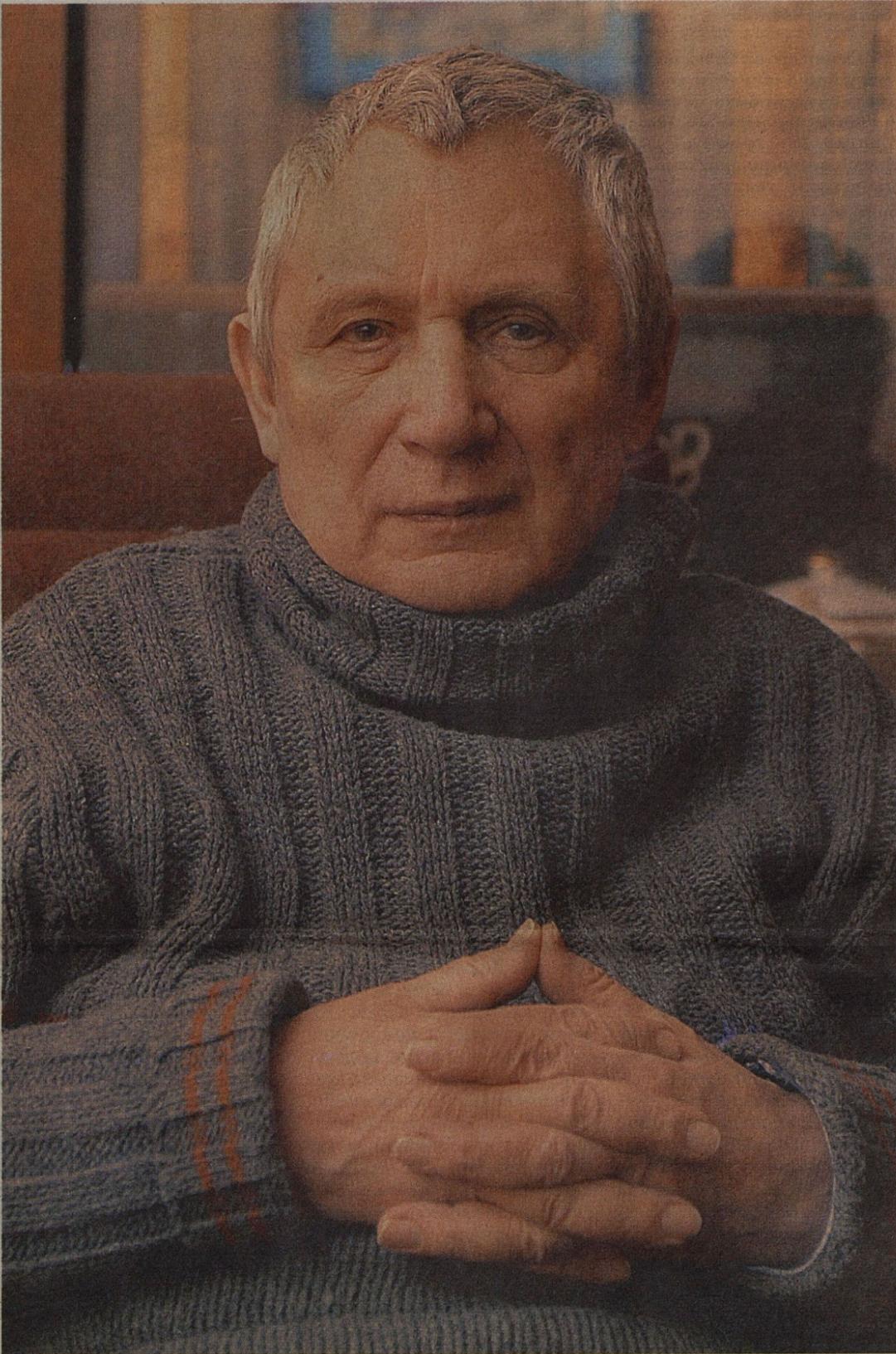
— Вы в Преисподней сходите, молодой человек?

Леня нервно отскочил в сторону, и дама, пожав плечами, направилась к выходу. В глазах ее не было никакого изумления.

Понемногу в коридор стали выходить люди, один бледнее и прозрачнее другого. Леня с ужасом подумал о поездах-призраках, то возникающих, то исчезающих на железных дорогах, поездах, в которых остановилось время и застывшие фигуры людей в вагонах были видны ошарашенным свидетелям. «Но здесь что-то иное, — мелькнуло в его уме. — Почему они так спешат к выходу?.. Правда, и поезд замедляет ход... А я? Где я? Что происходит? Я все сознаю, но что будет?»

Его ошеломило, что никто ни о чем не спрашивает, не возражает, не бьется головой о дверь, не визжит больным голодом, не шутит, в конце концов — все было как-то тупо серьезно, само собой разумеющимся, и порой слишком уж обыденно.

Леня глянул в окно и похолодел: впереди поглощала взор жуткая черная пустота, словно бездонная пасть зверя, но за покровом мрака где-то вдали в бесконечной сумасшедшей пляске двигались еле видимые фигуры живых существ. Да, там была жизнь, полная страха, ненависти и невиданной нигде жестокости, холодной и непреодо-



Фотограф: Максим Коняев / Газета

лимой, как высший закон этой черной Вселенной. Ни любви, ни Бога — лишь стон заменял молитву, молитву неведомо кому. Но жизнь и здесь копошилась и в некотором смысле была ключом. И все это под покровом черной пустоты, которая сама казалась мгновеньями живым огромным существом, слитым с этой Вселенной ада. Так во всяком случае краем своей интуиции и бьющимся сердцем почувствовал Одинцов. Неожиданно ему послышался вой, исходящий откуда-то из черной пустоты. Вой продолжался, но никто внутри вагона, казалось, не реагировал на него.

Вдруг в вагоне опять зазвучал голос того самого комментатора, но на этот раз довольно похабный и разудалый, тем более полилась дикая песня:

Наш поезд мчится словно с вышины,

Здесь остановки нет — а нам пожалуйста!

Раскрылись рты, как черные гробы,

Навстречу бесконечной ночи...

И тут же звуки превратились в истеричное подвывание:

В вагонах бьются, в вагонах — люстры,

В вагонах раки жуют мини-стров,

В вагонах быстрых летают ящеры,

А мне не страшно, я — некурящий...

Комментатор внезапно смолк. Никто из пассажиров не взвизгнул, не заорал в ответ, только один молодой человек смиренно наклонился к Одинцову и произнес:

— Прежде чем я сойду в ад, погадайте мне, пожалуйста.

И протянул свою ладонь.

Одинцов вскрикнул. Ладонь вдруг стала на его глазах расти, расширяться, и линии судьбы и жизни на ней приобрели кровавый оттенок.

Тайно и смрадно улыбаясь, молодой человек спросил:

— Что, вас смутила рука Преисподней?

Лене показалось, что ладонь разрослась до чудовищных размеров, заслоня собой окно. Линии на ладони вдруг исчезли, в ее центре зазяла черная пропасть.

— Я ничего не вижу, — пробормотал Леня.

— А надо, надо видеть, — глаза обладателя вещей ладони сверкнули злым огнем. — Что же вы потеряли зрение ада? Не ожидал я такого от вас...

И молодой человек скрылся, ушел туда — то ли к выходу, то ли в тупик, в угол страха...

Одинцов тупо уставился в окно, и собственная тупость поразила его. За окном пейзаж, если так можно выразиться, окончательно устоялся в своей сверхъестественности. Идиотически и неподвижно смотреть на это было невозможно, но у Лени возникло ощущение, что все это он когда-то видел, что на самом деле ничего особенного, что вышло бы за пределы смысла, не происходит. «Где я был до своего рождения? — подумал Одинцов. — Неужели здесь? Не поверю!»

Вскоре поезд стал останавливаться.

Наступила тишина. Поезд остановился резко и, казалось, навсегда. Двери открылись сами собой. Извне дохнуло мраком.

— Преисподняя, — раздался безучастный голос комментатора. — Приехали.

Мамлеев Юрий

25.01.06

31

31